

АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ТРУДЫ, ВЫПУСК 12

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

памяти

Бориса Александровича

РОМАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

1971

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Б. А. РОМАНОВ И ЕГО «ГИД» ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК

В книге «Люди и нравы древней Руси» Б. А. Романов ввел в качестве посредствующего звена между собой и читателем Даниила Заточника. Он избрал Даниила «гидом», чтобы водить с его помощью читателя книги по всем кругам социальных мытарств древней Руси. Он сделал Даниила и своим собственным «гидом», позволив внести в историческое исследование столь необходимый гуманитарным наукам научный эксперимент. Этот блестящий методический прием недостаточно еще оценен в исторической литературе. Смысл его до сих пор остается не ясен, предоставляемые им возможности не раскрыты. В задачу моего очерка не входит это раскрытие во всем его объеме и значении. Цель моя — указать на правомерность его и даже необходимость.

В самом деле, почему Б. А. Романову понадобился этот своеобразный «посредник» между собой и историческим материалом? Почему не рассказать все, что необходимо, непосредственно от первого лица исследователя?

В художественной литературе, мы знаем, автор часто создает в помощь себе рассказчика, повествователя, мемуариста, падеяя его своеобразными чертами мировосприятия и языка изложения. Пушкин ставил между собой и читателем Белкина, Гоголь — Рудого Паньку, Лермонтов — Печорина или Максима Максимыча, Достоевский — Макара Девушкина, подростка, «хроникера» и т. д. Мы выбрали лишь наиболее известные в русской литературе XIX в. образы посредников между автором и его читателями. Но, если угодно, число их может быть увеличено. Они исчисляются сотнями.

Необходимость в такого рода посредниках в художественной литературе хорошо понятна. События и герои, особенно принадлежащие какой-либо специфической среде и эпохе, нуждаются в особом, локальном освещении, чтобы быть лучше раскрытыми. Автор создает своего двойника, который повествует или пишет со своей, неавторской точки зрения и особым языком. Этот по-

вествователъ либо близокъ описываемой среде и эпохе, чтобы читатель представляя себе происходящее в наибольшемъ приближеннн, в свойственномъ описываемому освещеннн, либо, напротивъ, отделенъ отъ объекта повествованнн временемъ, иной средой, инымъ уровнемъ пониманнн, чтобы все происходящее в произведеннн выглядело странно и необычно, а смыслъ какъ бы самосто-ятельно угадывался читателемъ. «Псевдоавторъ» со своей точкой зре-ннн и со своей манерой повествованнн создаетъ какъ бы искусст-венную подсветку, облегчающую художнику отображеннн реальности.

Образу повествователя в новой русской литературе посвящено довольно много исследованийъ крупнейшихъ литературоведовъ. Объ этомъ писали Б. М. Эйхенбаумъ, Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, В. В. Виноградовъ. Опытъ этого изученнн сталъ в послед-нее время использоваться и в зарубежномъ литературоведеннн (В. Эрлих).

В исторической науке, когда люди и ихъ намереннн не яв-ляются основнымъ объектомъ изученнн, нетъ необходимости гово-рнтъ ихъ собственнымъ языкомъ и реконструировать ихъ собствен-ные взгляды и сужденнн. Однако тамъ, где есть необходимость ис-следовать людей иной культуры, объяснить ихъ намереннн и ихъ мысли, «бытъ и нравы», потребность в «локальномъ» освещеннн возрастаетъ пропорционально отделяющему насъ отъ нихъ «культур-ному расстояннн».

В книгѣ Б. А. Романова речь какъ разъ идетъ о людяхъ отдален-ной эпохи, о ихъ образѣ мыслей, ихъ взглядахъ на происходящее и о ихъ психологическомъ состояннн в сложномъ процессе классово-образованнн. Нужно поэтому заставить ихъ говорить своимъ язы-комъ, употреблять свойственныя имъ термнны и, самое главное, нужно конкретно представить и вообразить ихъ отношеннн к про-исходящему, объяснить ихъ поведение.

Эта «близкая эпохе» точка зреннн должна быть индивидуали-зированной. Она не можетъ быть точкой зреннн «вообще», она не можетъ не учитывать классовую дифференциацию общества, на-личнн разныхъ социальныхъ позицнн и даже различныхъ «самочув-ствнн». Поэтому-то Б. А. Романовъ прибегъ къ образу «гида», соот-ветствующаго в художественной литературе образу повествова-теля, при этомъ онъ избралъ для своего «гида» вполне конкретный образъ — Даниила Заточника. Неважно — былъ ли Даниилъ Заточ-никъ реальнымъ лицомъ или это чисто литературный персонажъ. Важно, что онъ конкретенъ в своемъ «приземленнн» къ эпохе, в своихъ воззренннхъ на жизнь.

В качестве «гида» Заточникъ избранъ исключительно удачно. Заточникъ — скептикъ. Онъ в известной мерѣ анализируетъ жизнь, примериваетъ къ себѣ различные жизненные ситуацнн, ищетъ вы-хода изъ своего тяжелого положеннн. Онъ, строго говоря, не при-надлежитъ ни къ какому классу или сословию. Обычныя точки зре-

ния, неоднократно высказывавшиеся в литературоведении, о том, что Даниил «дворянин», дружинник или холоп, основаны на шатких соображениях, субъективных истолкованиях вырванных из контекста отрывков, а порой и обрывков текста. Как пишет Б. А. Романов, Даниил «потенциально является кандидатом в любое общественное положение... В тот момент, когда какой-нибудь Заточник добросовестно примет от жизни свою этикетку и застынет в соответствующей позе, он перестанет быть Заточником».¹ Б. А. Романов показывает, что Даниил захвачен процессом классовобразования. От этого он не нашел еще своего места в жизни и ко всему относится с иронией. Как я пытался показать в свое время, Даниил пользуется скоморошьими приемами, по это скоморох умный и книжный. Он соединяет в своем произведении фольклор и книжную образованность, составляя из этого соединения своеобразную амальгаму литературы и фольклора, мирской мудрости и церковной морали.²

Б. А. Романов пишет, что автору «Слова Даниила Заточника» «удалось найти исключительно удачную литературную форму».³ И вот об этом последнем замечании Б. А. Романова я и хочу сказать несколько слов. Дело в том, что автор «Слова» действительно «нашел» свою форму, открыл ее для своего произведения, а не последовал за традицией. Подобно тому как Русь XI—XIII вв. была захвачена, по выражению Б. А. Романова, процессом «классообразования», древняя русская литература XI—XIII вв. была захвачена процессом «жанрообразования».

Мы знаем, что средневековые литературы отличались традиционностью, устойчивостью образов, символов, повторяемостью известных приемов и даже целых пассажей, а также жесткой традиционной системой жанров. Однако Русь в XI—XIII вв. только формировала свою систему литературных жанров. Система эта тяготела к литературной устойчивости, но еще не успела достаточно развиться. В целом на Руси в XI—XIII вв. существовали две системы жанров: одна фольклорная, другая — перенесенная к нам из Болгарии и Византии. Обе эти системы, существовавшие параллельно в независимых друг от друга областях,⁴ не могли охватить все потребности интеллектуальной жизни. Поэтому в традиционные книжные жанры постоянно вносились местные поправки в связи с новыми местными темами. Такая

¹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 216.

² Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 106—119.

³ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 17.

⁴ Потребности в развлекательных жанрах, в любовной лирике, в историческом осмыслении прошлого и др. удовлетворялись фольклором. Потребности, возникшие в связи с христианской религией, потребности в связи с появлением нового исторического сознания, потребности политической мысли удовлетворялись литературой.

поправка внесена, например, митрополитом Иларионом. Его знаменитое «Слово о Законе и Благодати» не просто торжественная, праздничная речь, каких много было в Византии и Болгарии. Перед нами историческое произведение, соответственно изменившее некоторые свои жанровые признаки. Процесс жанрообразования мы видим и в летописи. Летопись не просто возникла с появлением необходимости летописных записей. Записи, по-видимому, велись и в X в., но летопись как жанр появилась только в XI в., не ранее второй четверти XI в. Жанр «Поучения» Владимира Мономаха также был особенным. Он отступает от обычных церковных поучений и от поучений отца к сыну. Это политическое завещание. В него введены автобиографические материалы в качестве паидегагических примеров. Необычен и жанр «Слова о полку Игореве». В нем соединены элементы ораторского произведения, книжного по своей природе, и двух фольклорных жанров — плачей и слав. Новая форма и здесь была вызвана необходимостью внести в произведение сложное общественное содержание. В византийско-славянской книжной системе жанров не было такого жанра, в котором легко и удобно мог бы воплотиться призыв к единению Руси. Поэтому автор пытался создать новую форму из соединения фольклора и книжности. «Слово о погибели Русской Земли» — еще один пример одиноко стоящего в жанровом отношении произведения. Это плач и слава, но приспособленные к условиям книжности и к потребностям темы: слава прошлому Русского государства и плач о его настоящем.

Так же единичен и своеобразен жанр «Слова» или «Моления» Даниила Заточника. В нем тоже соединяются фольклор и книжность. В скоморошьем попрошайничестве Даниила и его унижения перед князем кроются гордость своим умом, сознание своего человеческого достоинства, а в его лести князю есть изрядная доля критики, насмешки и сатиры. Вспомним только, как автор изображает двор князя и какими саркастическими замечаниями он наделяет его приближенных. Естественно, что такое произведение, как «Слово» или «Моление» Даниила, не могло уместиться в рамки традиционного жанра. Оно было слишком сложно с точки зрения занятой его автором позиции и для фольклора, и для традиционной книжности.

Б. А. Романов не только отлично понимал эту многозначительность и многозначность произведения Даниила, его острую «мизантропичность», но и удивительно ими воспользовался. Он как бы продолжил «Слово», «Моление» и «Послание», пользуясь незавершенностью их формы, расширил их, попытавшись глазами Заточника и приемами, открывавшимися в его жанре, «прочитать» всю русскую действительность XII—XIII вв.

В самом деле, процесс жанрообразования не остановился на «Слове», «Молении» и «Послании» Даниила Заточника. Списки

этих произведений свидетельствовали о какой-то неудовлетворенности переписчиков, создававших новые редакции текста. Переписчики Даниила были его сотворцами, приспособлявая его произведения к потребностям своей эпохи.

Одним из последних соавторов Даниила Заточника был Б. А. Романов. Он несомненно продолжил его произведение, ввел в него новые жизненные ситуации XII и XIII вв.⁵ и с его помощью создал не только новую и своеобразную методику исследования «людей и правов», но и особый новый жанр исторической работы — необычайно трудный, ибо для того, чтобы последовать Б. А. Романову, нужно не только обладать его талантом, но и найти столь же удачного «гида».

Эксперимент XII—XIII вв. дал идеальный повод для научного эксперимента XX в.

---

⁵ Я не хочу сказать, что Б. А. Романов дописывал памятник, но он несомненно досочинял его ситуации, экспериментировал над его продолжениями, ставил его автору все новые и новые задачи.